

НИКТО НЕ НАСЛЕДУЕТ НЕБО

Фантастико-философская повесть

Alex Sonner

Никто не наследует небо

«Автор»

2026

Sonner A.

Никто не наследует небо / А. Sonner — «Автор», 2026

В мире, где даже тревога подчиняется расписанию, техник Арсен Вельский обслуживает Сеть общественного покоя. Однажды он замечает сбой, которого нет в официальных записях, — и оказывается по другую сторону системы, управляющей страхами, войнами и судьбами людей. Правящие Семьи готовы предложить ему больше, чем свободу: возможность самому решать, каким будет мир. Но желание спасти других может стать самым убедительным оправданием новой несвободы. «Никто не наследует небо» — фантастико-философская повесть о соблазне власти, цене ответственности и трудном праве человека распоряжаться собственной жизнью.

© Sonner A., 2026

© Автор, 2026

Alex Sonner
Никто не наследует небо

Глава 1

Никто не наследует небо
Фантастико-философская повесть
2026
все совпадения, разумеется, случайны

Пролог. Нормальная тревога

В пять часов семнадцать минут по единому времени над городом включили сирены.

Они не выли. Вой считался старомодным и небезопасным: у пожилых людей он вызывал аритмию, у детей — энурез, у собак — неконтролируемую агрессию. Новые сирены говорили спокойным женским голосом:

— Граждане, сохраняйте обычный уровень тревоги. Небо временно принадлежит Службе безопасности. Не смотрите вверх. Не фиксируйте перемещения воздушных объектов. Ваше любопытство может быть использовано против вас.

Арсен Вельский проснулся раньше, чем голос произнёс слово «граждане». Сначала он услышал, как под полом отключился городской ток, потом — как дом перешёл на квартальный накопитель, потом — короткую паузу в работе климатической шахты. Пауза длилась две десятых секунды.

Другой человек не заметил бы ничего. Арсен замечал тишину.

Он лежал, глядя в потолок, на котором медленно проступали аварийные стрелки: жёлтые, мягкие, указывающие путь к убежищу. За стеной заговорила соседка госпожа Элея. Она жила одна, но во время тревог всегда обращалась к покойному мужу.

— Курт, возьми коробку. Нет, не ту. Ту, где документы. Курт, ты опять...

Снизу заплакал ребёнок. Сверху кто-то торопливо смывал воду.

Арсен сел на кровати и провёл ладонью по лицу.

На стене возникло уведомление:

УРОВЕНЬ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: СИНИЙ

Возможен пролёт беспилотных аппаратов неизвестной принадлежности.

Сохраняйте спокойствие. Сообщайте о необычном поведении соседей.

Синий был ниже янтарного, но выше обычного. Обычный уровень тревоги тоже существовал. Он обозначался белым кругом и сопровождал человека с рождения до смерти.

Арсен оделся, взял сумку с инструментами и вышел в коридор. Лифт уже стоял на первом этаже, заблокированный на случай диверсии. У лестницы толпились жильцы.

— Куда вы? — спросила госпожа Элея. На ней было два пальто, одно поверх другого.

— На работу.

— Сейчас?

— Особенно сейчас.

Арсен обслуживал городскую Сеть общественного покоя. Если сирены говорили, он следил, чтобы голос доходил до каждого подъезда с одинаковой громкостью. Если сеть молчала, он искал место, где молчание возникло. В удостоверении его должность называлась красиво: техник непрерывности общего контекста, третий класс.

Дочь называла его ремонтником страха.

На улице люди шли к укрытиям, прижимая к груди разрешённые сумки. Над крышами медленно двигались три чёрные точки. Смотреть на них запрещалось, поэтому все смотрели в землю, где в мокром асфальте отражалось небо.

Арсен тоже опустил взгляд.

И увидел, что одна из точек летит против ветра, вторая — по ветру, а отражение третьей остаётся на месте.

Он остановился.

Громкоговоритель на столбе сказал:

— Не задерживайтесь. Неподвижность без предписания создаёт угрозу потоку.

Арсен пошёл дальше.

Он попробовал вспомнить движение третьей точки. Помнил только отражение.

И паузу, которой не должно было быть.

Позже он много раз пытался вспомнить, почему остановился именно тогда.

Часть первая. Два неба

1. Дом Таль

У Верхнего города не было координат.

Его здания стояли на земле, его сады получали настоящий дождь, а кухонные отходы вывозили настоящие люди, но ни одна общедоступная карта не могла показать путь к нему. Координата — это не точка, объясняли наставники детям Семей. Координата — это согласие множества систем признать точку существующей. Верхний город такого согласия не давал.

Сера Таль завтракала под оливой, которой было триста девяносто лет.

Серебристые волосы Сера носила коротко. На запястье, выглянувшем из рукава платья цвета мокрого камня, белела тонкая полоса после недавней процедуры. Услышав шаги, она опустила рукав.

Сера вернулась к сводке.

Дерево росло в полусфере, воспроизводившей сухой ветер старого Средиземноморья. На соседних террасах цвели растения с трёх континентов, но садовники подбирали их не по климату и не по красоте. Каждая терраса повторяла один из народных портфелей Дома Таль.

Испаноязычная Америка была представлена серебристой травой, горным картофелем и виноградом, который никогда не давал вина. Курдские земли — низкими дубами с переплетёнными корнями. Рома — цветущим кустарником без табличек: семейный эстет трижды пытался подобрать символ, трижды получал обвинение в пошлости и в конце концов объявил отсутствие названия высшей формой уважения.

Сера терпеть не могла этот кустарник.

У нижней ступени террасы сидел Илар, работник внутренней службы. Он поставил перед Серой чашу с тёплой водой, подождал, пока она опустит в неё ноги, и приготовил полотенце.

Сера читала сводку. Когда его пальцы коснулись болезненного места у щиколотки, она едва заметно поморщилась. Илар сразу ослабил нажим.

— Сегодня достаточно, — сказала она.

Он потянулся за туфлями. Сера придержала его плечо, не глядя:

— Вторую тоже.

Юни отвела глаза к своей пластине.

— Они снова перемещаются, — сказала её внучка Юни.

Перед девушкой лежала тонкая пластина из тёмного стекла. На ней медленно текли цифры: нелегальные маршруты, межсемейные браки, частота слов в закрытых разговорах, плотность неподконтрольного юмора.

— Кто именно? — спросила Сера.

— Рома.

— Они всегда перемещаются.

— Не телами. Смыслами. За последние восемь месяцев их закрытые школы обменялись четырьмя учебными программами с курдскими кооперативами и тремя — с Андским поясом. Без наших посредников.

Илар закончил массаж, вытер ей ноги и надел лёгкие туфли.

Сера отложила нож.

— Значит, посредники плохо работают.

— Или хорошо работают школы.

Сера посмотрела на внучку. Юни было двадцать девять. Она унаследовала высокие скулы и светлые глаза бабушки, но не её неподвижность. Выбившуюся из пучка прядь девушка запрокинула за ухо и тут же потянулась к пластине.

Сера накрыла край экрана ладонью. Юни убрала руку.

— Наша задача не препятствовать развитию, — сказала Сера. — Наша задача — удерживать развитие в пределах, где оно не становится взаимным заражением.

— Идеями?

— Непроверенными возможностями.

— Но программы работают. Ты даже не посмотрела, чему они учат.

— Поэтому ты пока присутствуешь на советах, но не голосуешь.

На дорожке появился секретарь. Он остановился в семи шагах — ровно там, где гравий менял цвет.

— Госпожа Таль, Дом Орра подтвердил участие. Дом Саар просит перенести обсуждение африканской квоты. Дом Вей не согласен с верхней границей потерь.

— Какой именно?

— Два миллиона за шестилетний цикл. Они считают, что при нынешней медицине население не почувствует серьёзности конфликта.

— Население чувствует не потери, — ответила Сера. — Население чувствует повторение. Она поднялась. Секретарь принял из её рук салфетку, хотя салфетка была чистой.

Юни пошла следом.

— Ты считаешь, люди не замечают, когда умирают два миллиона?

— Ты спрашиваешь меня о каждой семье? — сказала Сера. — Они заметят. Мы получим отчёты по всем секторам.

— И продолжим?

Сера взяла у секретаря пластину.

— Продолжим заседание.

Они вошли в галерею предков. Здесь не было портретов. Лица создавали опасную иллюзию, будто историю делают личности. На стенах висели карты влияния — не географические, а причинные. От открытия дешёвого синтеза пищи тянулась линия к переселению восьмидесяти миллионов человек; от моды на домашнее образование — к падению трёх правительств; от песни неизвестного подростка — к реформе наследственного права.

Юни задержалась возле карты Двести третьего поворота.

— Когда-нибудь они увидят эти линии, — сказала она.

— Разумеется.

— И что тогда?

— Назовут их теорией заговора. Мы позаботились, чтобы правда имела такой же запах, как безумие.

Сера приложила ладонь к двери Совета.

Перед тем как створки разошлись, Юни спросила:

— А если однажды человек войдёт сюда?

— Люди входят сюда регулярно.

— Я говорю не о прислуге.

— Я тоже, — ответила Сера. — Прислуга никогда не бывает опасна. Опасных мы делаем родственниками.

2. Нижний горизонт

К восьми утра тревогу отменили. Чёрные точки исчезли, небо снова разрешили фотографировать, а город получил уведомление о том, что благодаря бдительности Службы безопасности нападение не состоялось.

По дороге на подстанцию Арсен купил два хлебца, пакет искусственного сыра и настоящий мандарин. Мандарин стоил как шесть поездок на метро, но вечером должна была прийти Лада.

Лада жила с матерью в соседнем секторе и навещала отца по четвергам. Ей было четырнадцать. В школе она изучала эмоциональную гигиену, историю общественных угроз и прикладную лояльность. Математику преподавали два часа в неделю: больше считалось избыточным для детей без инженерного допуска.

На подстанции дежурный Равель встретил Арсена у турникета.

— Ты почему опоздал?

— Была тревога.

— Тревога для граждан. У нас допуск.

— Лифты отключили для всех.

Равель нахмурился. Он происходил из тех, кого в обычных секторах называли привилегированными, хотя в Верхнем городе его фамилию не знала бы даже система доставки белья. У него была отдельная квартира, право пересекать два сектора без объяснения причины и жена с разрешением на второе медицинское мнение. Своё положение он считал доказательством справедливости мира.

— Составь объяснение, — сказал он. — И не пиши про лифт. Выглядит как обвинение инфраструктуры.

— А что написать?

— Напиши, что неверно оценил время.

— То есть обвинить себя?

— Ты же не собираешься обвинять город.

В аппаратной пахло пылью, озоном и кофейным заменителем. По стене тянулись серые шкафы Сети. В каждом мигали зелёные огоньки, означавшие, что тысячи людей одновременно слышат одно и то же.

Арсен подключил диагност.

Система показала штатную работу. Паузы в две десятых секунды не было. По журналу климатическая шахта его дома не отключалась с прошлого ремонта.

Он запросил глубокий протокол.

НЕДОСТАТОЧНЫЙ ДОПУСК.

— Равель, у нас был провал в пять семнадцать.

— Не было.

— Я слышал.

— У тебя диагност на столе. Или ты теперь точнее прибора?

— Прибор показывает, что ему велят сохранять.

Равель обернулся медленно. В аппаратной работали ещё трое, и все трое вдруг стали очень заняты.

— Арсен, — тихо сказал он, — ты неплохой техник. Поэтому я скажу один раз. Между ошибкой прибора и ошибкой человека выбирают человека. Не потому, что прибор безошибочен. Потому, что прибор общий, а человек — один. Понимаешь?

Арсен понимал.

Общество держалось на преимуществах большинства. Если показания расходились, реальностью признавалось то, что видело больше экранов. Личное восприятие называлось «одиночным свидетельством» и в судебных делах принималось только вместе с техническим подтверждением. Техническое подтверждение выдавали приборы. Приборы принадлежали Сети.

— Понимаю, — сказал он.

В обед сотрудники спустились в столовую. На стене шли новости: трое экспертов обсуждали утреннюю атаку, которой не произошло. Первый требовал закрыть воздушное пространство. Второй предупреждал, что закрытие станет победой врага. Третий обвинял первых двух в намеренной поляризации общества.

Под экраном бежала строка:

Временное ограничение междугородних перемещений продлено в связи с возможностью повторных атак.

— Хорошо, что продлили, — сказал один из техников. — Моя тёща собиралась приехать.

Все засмеялись.

Смех тоже учитывался Сетью, но считался низкорисковым, если не повторялся в разных районах по одному поводу.

Арсен не смеялся. Его мать жила за границей сектора. В последний раз он видел её девять месяцев назад. Сначала дорогу закрыли из-за эпидемии лихорадки К-12, потом из-за угрозы диверсий на транспорте, потом система сочла две предыдущие причины совокупным фактором риска.

На его браслете появилось сообщение от Лады:

Пап, сегодня не приду. У нас семейный карантин. У маминой коллеги положительный след.

След означал не болезнь, а вероятность контакта с вероятностью контакта.

Арсен посмотрел на мандарин, лежавший возле диагноста.

До следующего четверга он не долежит.

В пять часов он вернулся к журналу утренней паузы. Скопировать закрытый протокол было невозможно, но можно было слушать сеть напрямую, как слушают сердце через тонкую стену.

Он отключил диагност, прижал старый аналоговый датчик к корпусу шкафа и надел наушники.

Сначала был ровный гул.

Потом — щелчок.

Потом — тишина длительностью две десятых секунды.

Гул вернулся, но под ним теперь слышался чужой голос. Арсен подстроил датчик:

— Контур Таль подтверждён. Фантом три принят.

Арсен снял наушники.

В аппаратной никого не было.

Он задел мандарин локтем и едва успел поймать у края стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.